

9 мая 1984

ИМЕНА АРТИСТОВ НА СТЕНАХ РЕЙХСТАТА

Большой театр Союза ССР и в годы войны продолжал свою деятельность. Высокое искусство артистов поднимало дух бойцов, укрепляло веру в победу. О жизни коллектива театра в военную пору вспоминает его бывший военный комендант А. Т. Рыбин. Полностью эти воспоминания вошли в сборник «Война. Народ. Победа» (книга третья), который готовится к выходу в Политиздате.

В день нападения немецко-фашистских войск на нашу страну в филармонии ГАБТА шла премьера оперы Гуно «Ромео и Джульетта». Ролан пел С. Лемешев, Джульетту — В. Барсова. Сколько нужно было иметь выдержки, чтобы в такой день петь с вдохновением и virtuозностью!

С первых дней войны автор этих строк был назначен военным комендантом Большого театра СССР. Сцена прославленного театра превратилась в военный плац. Среди маршировавших с вымпелами на плече можно было видеть народного артиста СССР И. Козловского, известного музыканта С. Кнушевицкого и многих других, чьи имена знали не только в нашей стране, но и за рубежом. Начавшаяся труппа объектов театра дирекция начала старого члена партии Ф. Петрова. Срочно были подготовлены бомбоубежища. Ушли на фронт защитники Родины с оружием в руках артисты В. Купрешев, С. Иванов, И. Горюнов, А. Варламов и другие. Началась налеты вражеской авиации на столицу. Дирекция в помощь пожарной охране выдала и часть артистической труппы. Молодежь труппы «эвакуировала» на крышах ближайших домов. Артисты трудящиеся и на оборонительных рубежах, на дальних подступах к столице.

В ту пору основное здание театра стояло на капитальном ремонте. Огражденный деревянным забором по фасадной части от Петровки до Конькобежного переулка, ГАБТ по-прежнему выдала вымпелы, прошив в русскую землю. Но война потребовала маскировки. Колонна Большого театра закрыла полотною декорации, использовавшиеся в опере «Князь Игорь». На плакатах изображены маршировавшие контингент театра с прилегающими к нему домами и зданиями, чтобы сблизить с толку фашистских летчиков. На картах, найденных подполье в штабе гитлеровских войск, Большой театр обозначался как военный объект. Нелегко было бойцам пожарной охраны и пожароопасным артистам в крошечной тле и в таком огромном здании тушить «эвакуацию», тем более что фашисты сбрасывали зажигательные бомбы со специальных выстрельщиков, висевших над зданием.

15 октября 1941 года Большой театр был переведен на чрезвычайное положение. 28 октября 1941 года воздушная тревога обвалилась шесть раз, из них четыре — днем. А день этот выдался погожий, скользя радужная проливалась солнце. После очередной воздушной тревоги и обхода пунктов охраны, давал дополнительные инструкции. И вдруг, откуда ни возьмись, повисла вражеская бомба, разорвавшись. Спрыгнув из-за облаков, он сбросил на Большой театр попутную фугасную бомбу, которая разорвалась у порога центрального подъезда театра. От сильного взрыва зашумело, началось подполье лопоты. Взрывная волна разрушила несколько простенков подъезда, обвалилась и часть потолка в вестибюле. Три внутренние стены вестибюля остались целыми, хотя были поцарапаны. Смертью храбрых в борьбе с огнем на боевых постах погибли часовой сержант Я. Тонколов, вахтер Н. Свиридов и еще несколько человек.

В середине октября основная труппа ГАБТА из 650 человек эвакуировалась в Кубышево. В связи с эвакуацией основной труппы филармония Большого театра, 182 млн. представления, прекратила работу.

Прошло несколько дней, и те, кто по каким-то причинам остался в пустующем филармонии ГАБТА и обсуждал, как помочь фронту. Кое-кто предлагал решить этот вопрос просто: взять в руки лопаты и выехать на строительные оборонительные рубежи под Москвой. Народная артистка СССР Н. Обухова сказала:

— Нам, артистам, нужно своим искусством помогать фронту, вдохновлять бойцов на подвиги в борьбе с врагом.

Постепенно определялись конкретные цели, затем формировались акты, который стал готовить театр к открытию. Этому во многом способствовал артист М. Габович, который был назначен с началом войны полнотрудовым режиссером.

И никогда, пожалуй, музыкант-виртуоз, лауреат Всесоюзного художественного конкурса трудящихся, не возмущался так, как на недавнем концерте в Доме культуры Такта-Базарского района. Впервые исполнил он мелодию, которую сочинил как посвящение своей сестричке — фронтовой медсестре — в сороч четвертого.

«Война приближалась к кон-

бительного батальона Свердловского района Москвы. Он часто наводился в театр и убеждал в необходимости во всем работать. Но как? Нет оркестровых партитур, декораций, сценических костюмов. В дефице не хватало людей.

Своему уполномоченному дирекция оставила в Москве администратора Д. Терехова. Обязанности секретаря-партизанки выполняла М. Боборыкина. И вот под их руководством стала возобновляться работа оставшегося театрального коллектива. Причем все делалось в те времена налеты вражеской авиации. Директора С. Сахаров и Н. Крамаров, например, и днем, и ночью по оркестровым голосам восстанавливали партитуры. Им помогала концертмейстер Н. Кайникова из нештатной труппы, одетая в плащ и шапку, она помогала дирижеру отрабатывать под оркестр танцевальные позиции. Балетмейстер-репетитор И. Смоляков полагал артистам и дирижером сцен из спектаклей, вместе с педагогом В. Кузнецовым администратором. Не давал им падать духом.

О деятельности артистов Большого театра стало известно в Свердловском районе ВКП(б). Первый секретарь райкома И. Новиков послал в театр заведующего военным отделом И. Ахметова. Тот увидел, что театр действительно продолжает репетиции. Народные артисты СССР Н. Голованов и А. Нежданова высказали от имени всех соображения об открытии театра. И. Новиков позвонил секретарю МК и МТК А. Шербакову. Шербаков одобрил эту идею и пожелал артистам успехов в работе. Райком партии отозвал М. Габовича из истребительного батальона и назначил его директором филармонии ГАБТА.

Все трудилось с максимальной энергией. Артисты балета репетировали без танков, исполняли вместо них стулья, столы, подоконники, шили себе костюмы. Художники В. Максимов, А. Федоров подбирали декорации из старых полотен и писали новые. Заведующий постановочной частью В. Бузалин создал сформировал штат рабочих сцены, привлеченных из подмосковных деревень.

Помимо репетиций, артисты дежурили по ночам в театре, оказывая помощь женщинам и детям в метро во время воздушных тревог: приносили им воду, продукты, ухаживали за больными.

Все чаще вырисовывалась перспектива открытия театра, хотя многого еще не хватало. Продолжались налеты вражеской авиации на Москву. Под Москвой шли ожесточенные бои.

11 ноября 1941 года в филармонию ГАБТА приехал командующий Западным фронтом генерал армии Г. И. Жуков. В беседе с артистами И. Бураков, Е. Должанский, В. Максимов и другие от горячо просили ускорить открытие театра.

— Фронту нужно искус-

ство, — сказал он, — как хлеб, как солдатская окопная мажорка.

И вот 18 ноября газета «Известия» поместила краткое сообщение об открытии филармонии ГАБТА. 19 ноября 1941 года театр в 13 часов открылся концертом, прерывавшимся из-за воздушных тревог три раза и закончившимся в 18.30. В концерте участвовали видные мастера сцены: Н. Обухова, Е. Степанова, С. Лемешев, Н. Озеров, М. Баратов, Ф. Петров, И. Бураков, В. Рабцев, И. и В. Смоляковы, А. Руденко, В. Голубин и другие. Присутствовавший на концерте командующий 10-й армией генерал К. К. Рокоссовский пригласил артиста балета В. Кузнецова в ложу и поблагодарил за исполнение им партии Кончетты в групповом танце из балета «Красный мак».

В трудный для нашей Родины час артисты, оставшиеся в столице, не растерялись и действовали как солдаты искусства. Зал филармонии ГАБТА всегда был переполнен фронтовиками и рабочими столицы. У театра во время спектаклей стояли военные машины, перекрещиваясь в белом шпиге «эмки», грузовики и даже танкетки. Все напоминало о том, что фронт близко. Но никто не мог поколебать дух людей. В истории войны не было такого, чтобы бои шли в 30 километрах от города, а в нем работали два оперных театра. 22 ноября шла опера «Взятие Онегина». Партию Ленского пел С. Лемешев. 23 ноября ставился балет «Целуйная предосторожность». Заглавную партию танцевала Т. Бессмертная. 26 ноября дана опера «Взятие Мельника». Мельника исполнил бас И. Редькацкий.

В это время на Западном фронте выступала с концертами бригада артистов Большого театра. На грузовой крытой машине, на которой передвигались артисты, стояла печка-буфак. При помощи этой «спасительницы» в пути артисты обогревались, и это тогда казалось чудом, равно как гастролирование. Артистка балета Полина Кузнецова в любой холод танцевала на импровизированной сцене перед бойцами в легкой летнем костюме, предпринимая смелые па и прыжки густыми жаром.

Бывший председатель Советского комитета ветеранов войны генерал армии П. И. Батов как-то сказал автору: «Мы на фронте И. Козловского, М. Михайлова, А. Лемешева, П. Горюнова, А. Пирогова выжили тяжелой артиллерией. Всегда просил вышедших артистов выступить перед наступлением».

Необходимо отметить, что артисты выступали во фронтовых условиях в сценических костюмах, по всем правилам, во фраках и мажорках. Это был Большой театр.

В 1944—1945 годах была создана еще одна концертная бригада. Фронтальными бригадами выступали артисты, давшие начало на 1-м Прибалтийском фронте. А с войсками 4-го Украинского фронта бригада пришла от Перехода до Сева-

стополя. Наконец, с войсками 1-го Белорусского фронта, который вали победоносное наступление, артисты прошли от Варшавы до Берлина. В Польше бригада дала ряд концертов, сборы от которых пошла польским детям. Несколько концертов было дано в госпитале, размещенном в костеле. Непосредственно на Одере артисты театра обсуждали войска, вышедшие из боя.

И вот — Берлин.

Вспоминает солистка оперы Е. Межеряк: «На третий день после взятия Берлина, 5 мая 1945 года, мы дали свой 140-й концерт. Одним из концертов подавала режиссера. Договорились обложки досок, шкафы, мебель, слушающие баррикады сопротивления фашистским солдатам. Шел концерт, а в подвалах режиссера шел бой. Несмотря на кашину из гарнизона Берлина, засевшая в подвалах фашистскими солдатами, острежением смертников оказывали бесстрашие сопротивление. Наши бойцы вылакали их, брали в плен, выносили из подвалов по лестнице в одну из комнат, где они ждали распоряжения команданта рейхстага полковника Ф. Занченко, который сидел у нас на концерте. Занченко — бойцы и солдаты, штурмовавшие рейхстаг, стояли стеной, плечом к плечу и слушали первый в истории концерт в рейхстаге. С восторгом принимали артистов солдаты. Готтербад и П. Селванова, исполнившие патристические песни, воины кричали «ура», бросали вверх свои пистолеты. Испытываясь при этом опер Даргомыжского, Чайковского, романсы, сольные песни. Солисты балета И. Ахметовский и Н. Спасовский с большим блеском, лихо палили характерные сценки. С успехом выступили скрипка Ю. Рентген, концертмейстер Н. Корсаков. И, как всегда, был неразлучен со своим балетом Петр Швец.

После концерта начальники по управлению 5-й ударной армией, штурмовавшей Берлин и столицей Рейха, генерал Каплевич поблагодарил артистов и сказал:

— Ваши песни довели до нас теплые дыханья Родины, прозвучали призывом из Моск-

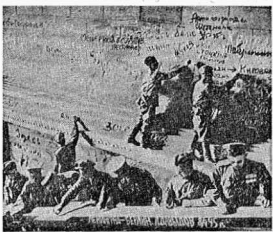
вы. Командир рейхстага полковник Ф. Занченко каждому артисту преподнес личные часы. Солдаты оперы С. Готтербад, зазвонившие на шпиги и плечи своих товарищей, написали на стенах рейхстага имена тех, кто дал этот незабываемый концерт».

Любопытный факт. В филармонии ГАБТА в Москве режиссером оперы был В. Баратов, который обычно перед концертом объявлял зрителям о взятии тех или иных городов нашими войсками. Естественно, за эти соображения зрители награждали артиста овацией. Вскоре он сменился на Ю. Рентгена, который обычно перед концертом объявлял зрителям о взятии Берлина. Д. Воробьев вспоминает: «Ко мне подошла народный артист СССР Александр Пирогов и спросила: «Разрешите, Дмитрий Иванович, мне выдать зрителью о взятии Берлина?» На это я ответил: «Александр Степанович, при всем уважении к вам и этому случаю не могу. И объявляю о взятии городов все войну и на этот раз тоже объявлю сам». После этого вышел за занавес и сообщила зрителью о взятии Берлина. Надо было слышать этот торжественный момент, когда «ура» зал филармонии ГАБТА буквально сотрясало от аплодисментов и радостных криков».

И снова артисты Большого театра были в пути. На этот раз они ехали на Потсдамскую конференцию — давала концерт главнокомандующий антигитлеровской коалиции.

В июне 1945 года солисты балета и оперы Т. Уланова, В. Преображенский, А. Иванов, Н. Шниллер, Д. Ойстрах, А. Оберин, С. Кнушевицкий выступали в Вене перед жителями освобожденной Австрии. Артисты ГАБТА, в том числе родом и искусства, отдавали фронту все силы и энергию, весь свой талант. Многие не дожили до наших дней, другие ушли санинормом рано из жизни. Наш долг — вспомнить о них, ибо на их подвиге в искусстве, который был совершен в годы войны, учиться, воспринимать молодое артистическое поколение.

А. РЫБИН.

Песня, всколыхнувшая память

Никогда еще ветеран войны Аллан Розыев из туркменского колхоза имени Энгельса не рассказывал при тактике войны народа эту историю о фронтовой дружбе, которая помогла ему выжить и выстоять всем смертам назло. Самое сокровенное, что до сих пор было нелегко выразить словами, доверил он песне.

И никогда, пожалуй, музыкант-виртуоз, лауреат Всесоюзного художественного конкурса трудящихся, не возмущался так, как на недавнем концерте в Доме культуры Такта-Базарского района. Впервые исполнил он мелодию, которую сочинил как посвящение своей сестричке — фронтовой медсестре — в сороч четвертого.

цу, уже шли бои на немецкой территории, когда в одной из атак рядом с Алланом разорвалась противотанковая мина. В палатке санитарного полка хирурги насчитали у радвого Розыева семнадцать ран. В голову, позвоночник, спину, живот... Богатырская сила туркменского джигита помогла врагам совершить чудо. Несколько операций в полевых условиях, затем — многие месяцы в тыловых госпиталях.

В Калинин, куда его вновь перевели, погода у постели медленно возвращающегося к жизни бойца дежурила Шура Колякова — отважная девушка, всевавшая в действующей армии и попавшая в госпиталь тоже после ранения. Здесь и влюбился она в медсестру. А когда дела Аллана пошли на поправку, Шуру откомандировали сопровождать его домой, в далекую Туркмению... Ведь теперь солдат был на костылях и не мог обойтись без чьей-то помощи.

Но встреча с домом нанесла еще одну тяжкую рану. Жена Аллана похоронили за день до его возвращения, осталась первенец, которого они так ждали.

Казалось, невозможно пережить обрившуюся беду. И снова спасла его Шура. Она развела огонь в потухшем очаге, приняла на себя нелегкую заботу о ребенке. Правда, девушка не могла даже утешить его на родном языке: ведь Шура не знала ни слова по-туркменски. Пришлось научиться донору, певчу чужеродной. Только через два года, когда Аллан оправился от ран, Шура уехала в родные края. Всем колхозом провожали

русскую девушку, которую так успели полюбить за доброту, отзывчивость, заботу. Вскоре она породила веселую вышью замку, родила сына. Несколько лет переплелись семьи Аллана Розыева и Александры Сергеевны Рыжиной. Шура трудилась свободно в колхозе по-туркменски, в ответ получала письма на русском языке.

И потом не раз медсестра, верная фронтовому братству, приходила на помощь ветерану, разделяла его радости и тревоги.

О щедрости человеческого сердца и сполнил Аллан заветную мечту. Разом с ним на сцене стоял его внук, девятиклассник Довет. Силится голосе из камышовых свирелей в песне о мире, восторженно в песне о величии советского человека.

Е. ПРИХОДЬКО.

ТАХТА-БАЗАР, Туркменская ССР.